

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

1₍₂₀₎

Весна – лето

2014

Журнал основан в 2004 году

Выходит 2 раза в год

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

- «Послание Петра Филиппу» (*NHC VIII.2. 132.10–140.27; CodTch 1.1–9.17*). Введение, перевод с коптского языка, комментарий *А.Л. Хосроева* 5
- Наказ Тодзю*. «Беседы со старцем». Предисловие, перевод фрагментов с японского языка, комментарий *К.Г. Маранджян* 31
- Т.А. Пан*. Маньчжуро-монгольский диплом, выданный жене монгольского аристократа (из коллекции ИВР РАН) 38

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Н.В. Козырева*. «Знатные и великие». Богатые семьи города Ларсы в XIX–XVIII вв. до н.э. 45
- Б.Б. Лаикарбеков**. Рефлексы древнеиранского *gātu-/*gādu- ‘место, время’ в памирских языках и некоторых таджикских говорах 58
- И.В. Герасимов, Абд ал-Азиз Хасан, Сумейя*. Жилища и дома суданцев в «Табакат» Ибн Дайфаллаха 64
- В.М. Рыбаков*. Танские законы о насильственных видах присвоения чужого имущества 75
- И.С. Гуревич*. Грамматическая стилистика текстов *тинхуа* (на материале «Заново составленного *тинхуа* по истории Пяти династий») 89
- С.Л. Невелева*. Древнеиндийская эпическая мифология: основные характеристики 100

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- С.М. Прозоров*. Духовные ценности суфиев в надписях на личных вещах (по материалам арабской рукописи сочинения по суфизму ‘Азизи Шайзалы, ум. в 494/1100 г.) 114
- Ю.А. Иоаннесян*. Комментарий Баба на суру «ал-Каусар» 126
- О.М. Чунакова*. Среднеперсидские манихейские фрагменты из Туяк-Мазара 143
- М.В. Фионин*. История изучения новозаветных лекционариев (краткий обзор) 148

Наука — Восточная литература
2014

<i>Е.П. Островская.</i> О значении термина bhagavān в составе религиозного титула Будда Бхагаван	160
<i>С.Л. Бурмистров.</i> Культ и мифология Ганеши (по рукописным материалам из Индийского фонда ИВР РАН)	168

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

<i>К.К. Курдоев.</i> Краткий историко-этнографический очерк о курдах заза. Предисловие и публикация текста <i>З.А. Юсуповой</i>	180
<i>С.С. Сабрукова.</i> Памятник буддийской архитектуры — Эркетеневский хурул (по материалам АВ ИВР РАН)	201
<i>К.В. Алексеев, А.А. Туранская, Н.В. Ямпольская.</i> Фрагменты монгольского Золотого Ганджура в собрании ИВР РАН	206
<i>И.Г. Алимбарашвили.</i> Из взаимоотношений Мари Броссе и Дмитрия Мегвинетухуцесишвили	225
<i>Е.О. Шухман.</i> Еврейские палеотипы в коллекции ИВР РАН (краткий обзор)	231

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>О.А. Воднева.</i> Ежегодная (годовая) научная сессия ИВР РАН «Письменное наследие Востока как основа классического востоковедения». К 195-летию (1818–2013) Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН (СПб., 2–4.12.2013)	243
<i>М.М. Юнусов.</i> Петербургский институт нудайки. Третья ежегодная конференция по нудайке и востоковедению (СПб., 17.12.2013)	252
<i>И.В. Кульганек, Т.А. Пан.</i> Шестая научно-практическая конференция «Путешествия на Восток — 2013» (СПб., 26.03.2014)	257
<i>С.Х. Шомахмадов.</i> Открытый теоретический семинар сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Первое заседание: доклад М.И. Воробьевой-Десятковской «Буддийские рукописи из коллекции М. Скоена (Martin Schøyen)» (СПб., 16.04.2014)	260
<i>Н.О. Чехович.</i> Конференция «Администрация и бюрократия на Древнем Востоке (к 125-летию со дня рождения Василия Васильевича Струве)» (СПб., 22–23.04.2014)	262
<i>Е.П. Островская.</i> Открытый теоретический семинар сектора Южной Азии Отдела Центральной и Южной Азии ИВР РАН. Второе и третье заседания: доклад Т.В. Ермаковой «Собиратели рукописей индийского фонда Азиатского музея — ИВР РАН» (СПб., 12 и 21.05.2014)	265

РЕЦЕНЗИИ

На четвертой стороне обложки: Маньчжуро-китайский диплом из маньчжурской коллекции ИВР РАН, шифр С 30 mss (к статье Т.А. Пан)	
Над номером работали: Г.О. Ковтунович А.А. Ковалев О.В. Мажидова О.В. Волкова А.Е. Танчарова Е.А. Пронина	
The Journal and Official Correspondence of Bernard Jean Bettelheim. 1845–1854. Part I (1845–1851) / Ed. A.P. Jenkins. — Naha: Okinawa Prefectural Board of Education, 2005. — xxx+640 pp. and The Journal and Official Correspondence of Bernard Jean Bettelheim. 1845–1854. Part II (1852–1854) / Ed. by A.P. Jenkins. — Naha: Okinawa Prefectural Board of Education, 2012. — x+732 pp. (К.Г. Маранджян)	267
Пэн Сян-цян 彭向前. Си Ся вэнь Мэн-цзы чжэнли яньзюо 西夏文《孟子》整理研究 (Комплексное исследование тангутского перевода «Мэн-цзы»). — Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2012. — 295 с. (Тан Цзюнь, Ю.С. Мильникова)	269
Дмитрий Цолин. Арамейский язык библейских тестов и Таргума Онкелоса. Учебное пособие. — Черкассы: Коллоквиум, 2013. — 359 с. (В. Голенец)	274
Ю.В. Болтач. Ханмун. Вводный курс. — СПб.: Гиперион, 2013. — 335 с. (И.С. Гуревич, К.Г. Маранджян)	275
«Второй» и «Третий» альбомы о. Иакинфа (Н.Я. Бичурина). Вступит. ст. академика В.С. Мясникова и О.В. Васильевой. Подг. к изд. О.В. Васильевой. — СПб.: Российская национальная библиотека, 2012 (И.Ф. Попова)	276
© Российская академия наук, 2014 © Институт восточных рукописей РАН, 2014	

Б.Б. Лашкарбеков

Рефлексы древнеиранского *gātu-/*gādu- ‘место, время’ в памирских языках и некоторых таджикских говорах

В статье анализируется отражение др.-иран. лексемы *gātu-/*gādu- ‘место, время’ в памирских языках и таджикских говорах. Как правило, в них эта лексема не относится к разряду исконной лексики. Первоисточник ее в разных языках и говорах опознается по способу реализации фонем в каждом конкретном случае, свидетельствуя о восточноиранском генезисе (памирские языки) или западноиранском (таджикские говоры).

Ключевые слова: памирские языки, таджикские говоры, древнеиранские языки, бактрийский язык, согдийский язык.

В Авесте и древнеперсидских текстах *gātu-/*gādu- употребляется в значении ‘место’: ав. gātu- : gātav- 1) ‘место’; 2) ‘место для отдыха, лежания, сидения; ложе, кресло, трон’; др.-перс. gādu- ‘место, трон’, см. тж. др.-инд. gātu- ‘ход, путь, движение’ (ЭСИЯ 3, с. 269–270) (там же список литературы). В старых композитах наподобие ав. dāityō.gātu- ‘находящийся на положенном месте’ (Соколов, 1964, с. 247) конечный *-gātu- в некоторых иранских языках превращается либо в топоформант — см. тадж. čarogoh, букв. ‘место для пастбы’ (-goh<*gādu-), либо полностью утрачивает свое лексическое значение и сливается с основой, см. вах. Nəmydgyt (название селения) <*nāmāt- gātu- ‘место поклонения’ (Стеблин-Каменский, 1976, с. 184). Во многих иранских языках данная лексема нашла отражение в значении ‘место, время’, а также ‘объект в пространстве’. Так, в среднеперсидском и новоперсидском (современный персидский, дари, таджикский) языках gāh, gah (тадж. gah, goh) употребляется как в значении места — тадж. donišgoh ‘университет’ (букв. ‘место учебы’), так и в значении времени — gahi raftan ‘в момент ухода’, gah dewona gah hušyor (букв. ‘иногда безумный, иногда в своем уме’).

В данной статье мы намерены выявить (помимо общеизвестного таджикского наречия goh) иные рефлексы древнеиранского *gātu-/*gādu- ‘место, время’ в памирских языках и некоторых таджикских говорах. При исследовании данной проблемы нас озадачил тот факт, что в подавляющем большинстве случаев выявленные рефлексы не относятся к разряду исконной лексики тех языков, где они были обнаружены, и поэтому предстоит еще определить, из какого именно языка они были заимствованы. Следует также подчеркнуть, что семантика всех этих лексем сводится исключительно к обозначению времени, а не места, как это было свойственно авестийскому и древнеперсидскому языкам (Bartholomae, 1904, с. 518–520). Если и находятся единичные примеры для употребления *gātu- в локальных значениях, то эти слова представляют собой старые образования, полностью утратившие первичную семантику. Помимо вышеприведенного вах. Nəmydgyt предположительно к *gādu- возводятся хуф. хап-juṭ ‘место для хранения деревянной утвари’, язг. čawgád ‘кладовая под нарами в доме’ (ЭСИЯ 3, с. 270).

С учетом семантики и данных исторической фонетики рефлексy др.-иран. *gātu-/*gādu- ‘место, время’ могут быть обнаружены в следующих примерах.

1. Наречие времени ʔal

Данная лексема распространена почти во всех языках шугнано-рушанской группы (за исключением сарыкольского), а также в язгулямском, ваханском языках и в распространенных на Памире дарвазских и ванджских говорах таджикского языка.

Наречие ʔal (язг. ʔa) в целом передает следующие значения:

момент действия: шуг. ʔal-at nūsč-oʔ, вах. ʔal-ət nuəng-aʔ ‘ты еще сидишь?’;

действие, только что совершившееся: шуг. lūvdowam gal vird lūd-at yu ta yoʔd yo nau dī na fātam ‘мы ему только что сказали, но придет он или нет, это нам не известно’;

ожидаемое действие: шуг. yu ʔal murd na lūvʔj, язг. way ʔa moɾa na lafta, вах. yaw ʔal mar nə ʔnətk, вандж. uʔ ʔal mɾa na gʔtaʔ ‘он еще (букв. ‘пока’) мне не сказал’.

В дарвазских и ванджских говорах таджикского языка данное наречие часто сочетается с указательным местоимением am-: вандж. am-ʔal di-m-ɔʃ ‘я только что видел его’; am-ʔal ko gamiʔ ‘куда сейчас идешь?’; n-am: n-am-ʔal ‘вот сейчас, вот только что’. Такое сочетание может осложняться суффиксом -ak для передачи оттенка недавности: вандж. am-ʔalak amanda bi ‘только что он был здесь’.

Ванджцы и дарвазцы (исходя из того, что данное слово в других таджикских говорах не употребляется) иногда шутя, по-свойски, называют друг друга ʔali ʔun букв. ‘дорогой ʔal’ (досл. ‘дорогой нынче, душечка нынче’): ʔali ʔun, čo kɔpmi ‘дорогой нынче, чем ты занят?’. Поскольку это слово вызывает насмешки у других таджиков, то ванджцы и дарвазцы стараются не употреблять его в присутствии посторонних, но это им не всегда удается. По этому поводу существует такой анекдотический рассказ: будучи за переделами родного края, дарвазец строго-настроено предупреждает своего напарника, чтобы тот в присутствии посторонних не употреблял слово ʔal ‘нынче’. Но на вопрос «Откуда вы прибыли?» тот не задумываясь отвечает: -Am-ʔal ay Darwoz ɔtaʔet букв. ‘Мы нынче из Дарваза приехали’. Второй дарвазец с упреком говорит ему: -Am- ʔal naɔfɔt-ɔt ki diga ʔal na gʔ. букв. ‘Не говорил ли нынче я тебе, чтобы ты больше не говорил «нынче» (ʔal)?’

Данное слово, хотя и имеет хождение в памирских языках и таджикских говорах, распространенных на Севере Памира, тем не менее на почве указанных языков, а также вымершего старованджского языка не поддается этимологизации. То, что ʔal звучит одинаково во всех языках, также говорит о его более позднем проникновении в указанный регион.

Если исходить из семантики слова и допустить, что эта лексема некогда была заимствована из языков с закономерным переходом *-t->*d>l, то тогда мы могли бы возвести ʔal к др.-иран. *gātu-/*gādu- ‘время, место (нахождение в пространстве и во времени)’ (Лашкарбеков, 2008, с. 83). Такие фонетические сдвиги несвойственны памирским (в том числе и старованджскому) языкам, но допустимы в языке пушту, мунджанском и, возможно, в бактрийском языке¹. См. пуш. ʔolay ‘двор’ <*gāt/du-ka- букв. ‘местечко’ (Дыбо, 1974, с. 90; Грюнберг, Эдельман, 1987, с. 21); мундж. uélka, предположительно <*ati-ka- ‘утка’ (Грюнберг, 1987, с. 175). Эти факты дают нам ос-

¹ Поскольку в письменных памятниках бактрийского языка не засвидетельствовано отражение *-t->l, то можно допустить развитие *-t->*d>l (*gātu->*gādu->*ʔal) в ином — незафиксированном — диалекте данного языка. См. тадж. калон ‘старший, большой’, которое И.М. Оранским рассматривается как бактрийское заимствование и сопоставляется с именем бактрийского вождя Katánēs (Оранский, 1970, с. 155–160); ср. тж. шуг. katanak ‘человек, имеющий высокий статус’, тж. шуг. katā, тадж. (говор.) kata ‘большой’ (см. критическое замечание (Стеблин-Каменский, 1981, с. 345)).

нование рассматривать наречие времени *γal* как заимствование из языка данного типа.

Учитывая, что наречие времени *γal* в пушту и мунджанском языке отсутствует, можно полагать, что оно было заимствовано именно из бактрийского языка, имевшего широкое распространение в регионе и, судя по всему, до распространения фарси (/таджикского), языка, выполнявшего роль языка межнационального общения.

О высоком статусе бактрийского языка можно судить по многочисленным заимствованиям с характерным переходом **d/t>-l* в памирских языках. См.: ст.-вандж. *aspalang* <**aspa-dāna-ka* ‘конюшня’ (EVSh, с. 16; ЭСИЯ 2, с. 249), вах. *liw* ‘сумасшедший’ <**daiva-* ‘демон’ (ЭСВЯ, 225–226, там же список литературы), ст.-вандж. *aplox*, руш. *ablox*, шуг. *afloq* ‘на босу ногу’ <**a-pāda-ka-* ‘без обуви, без подстилки’; шуг. *šilīg*, язг. *šəlik*, ст.-вандж. *šilig* ‘вялый, густой’ <**stita-*, ср. ст.-вандж., дарв., карг. *šitik* ‘вялый, густой’, **yštaw-* (СГВЯ-Ф, с. 94).

В ванджские и дарвазские говоры таджикского языка слово *γal*, как и несколько сотен других лексических единиц, могло проникнуть из вымерших старованджского и стародарвазского языков, представляя собой субстратное наследие исчезнувших языков. Подтверждение тому — регулярное сочетание *γal* со старованджским (и стародарвазским) указательным местоимением ближней степени *am-* (ср. шуг. *uam*, вах. *uəm* <**uima-* ‘этот’): *am-γal*, *am-γalak* ‘только что, накануне’, букв. ‘в это время’. Так что наряду с *γal* в таджикские говоры проникли также старованджские композиты *am-γal*, *am-γalak*.

2. Дефектный глагол *γaləu*

В ваханском языке существует своего рода дефектный глагол *γaləu* ‘подждать’, имеющий только форму повелительного наклонения единственного и множественного числа: *γaləu!* ‘подожди!’; *γaləv* ‘подождите!’.

Носители языка иногда шутя выдумывают для этого глагола другие несуществующие временные формы типа:

— *γaləu wuz niv wəzəuəm* ‘подожди, я сейчас приду’;

— *a-lo γalətk-əm* ‘эй, я-то жду’ (форма *γalətk-əm*, 1-е лицо, ед. ч., перф., реально не существует).

Как можно заметить, форма *γaləu!* ‘подожди, повремени!’ образована от того же наречия времени *γal+əu*. Суффиксальная часть этой формы, возможно, является аналогом исхода таких глагольных основ, как *wəzəu-* ‘приходить’, *məgəu-* ‘умереть’ (см. иную интерпретацию (ЭСВЯ 1999, с. 181)). Этот же суффиксальный элемент факультативно прибавляется ко всем основам прошедшего времени по схеме: *γu-*: *γoud/əu* ‘лаять’, *ruv-*: *rit/əu* ‘пить’.

Нельзя исключить также возможность заимствования *γaləu* из того же бактрийского языка, чем, наверное, и объясняется дефектность его парадигмы: ср. схожее слово в пушту *-γəlay* ‘затихание, успокоение’ (т.е. наступление времени затишья), *γəlay k.* ‘затихнуть’.

3. Существительное *hamγəl/hamləu* ‘ровесник’

Вариант *(h)amγəl* в значении ‘ровесник, одноклассник’ зафиксирован в язгулямском языке, а также в ванджских, дарвазских и некоторых южных говорах таджикского языка: язг. *dif-an amγəl* ‘они ровесники’; вандж. *yu kalunay, hamləyi mən ay, bore solša xərd zaday* ‘он старше, мой ровесник, однако уменьшил год рождения’; вах. *Ali amγəli mən ay* ‘Али является моим ровесником’.

В ванджских говорах наряду с *(h)amγəl* фиксируется и другой фонетический вариант *-(h)amləu*, возникший вследствие метатезы *-γəl/-ləu*.

Данное существительное в историческом плане является составным и делится на *ham-*, которое с уверенностью можно возвести к др.-иран. **hama-*, означающему со-вместность: ‘вместе, со-’ (см. др.-перс. *hama-pita hama-māta* ‘от одного отца и одной матери’ (т.е. единокровные)), и *-γal*, это не что иное, как то же самое бактрийское наречие времени *γal*. В целом предполагаемое бактрийское **hamγal* можно возвести к др.-иран. **hama- γātu- <*hama-gātu-*, букв. ‘со-временник’, т.е. ‘родившиеся в одно время’.

4. Наречие времени *γot(i)*

Данное слово составляет лексическую особенность таджикских говоров Гиссарской долины (Гиссар, Варзоб, Файзабад). Наречие времени *γot* употребляется исключительно в сочетании с указательными местоимениями *ami* ‘этот’, *u(n)* ‘тот’ или во-просительным местоимением *či* ‘что’. Круг его значений ограничивается выражени-ем:

момента действия — *ami-γot* ‘сейчас’; *ami-γoti* ‘только что’;

прошлого мгновения — *u-γot* ‘тогда’, *u-γoti* ‘в то время’.

Из сочетания местоимения *či* ‘что’ с наречием *γot/i* образуется вопросительное ме-стоимение *či-γoti* ‘когда’ (букв. ‘в какое время’):

— *akat či γot(i) omad?* — *ami-γoti* ‘— Когда приехал твой брат? — Только что’.

Отмечаются случаи сочетания *-γot(i)* с числительным *yak* ‘один’, что означает ‘вдруг’: *ya(k) γoti bud ki dara kšod* ‘и вдруг он открыл дверь’.

Хотя слово фиксируется в таджикских говорах, тем не менее оно не может быть отнесено к исконной лексике данного языка, где, как было отмечено, др.-иран. **gātu-* закономерно отражается как *goh*. В наречии *γot* можно видеть иной исторический путь развития того же др.-иран. **gātu-* с сохранением интервокального *-t-*: **gātu->γot* (Лашкарбеков, 2008, с. 83). Такой фонетический облик говорит в пользу его согдийско-ягнобского происхождения: именно для этих языков развитие **t/θ>t/δ* представляется вполне закономерным: см. согд. *<*γāduk*, ягн. *γotk* ‘гнездо’ *<*gādu-ka-*, *<*gātu-ka-* ‘место’ (см. список литературы: ЭСИЯ 3, с. 269–270). По всей вероятности, композит *či-γot(i)* ‘когда’ целиком заимствован из согдийского **či(t)-γāt <*či(t)-γātu-* букв. ‘в какое время’, ср. ягн. *čo* ‘что’, *čo ark* ‘какое дело’, *čof* ‘сколько’.

Если учесть, что границы распространения согдийского языка простирались на юге до Гиссарской долины, то в этом случае наречие времени *γot*, а также вопросительное местоимение *či-γot(i)* ‘когда’ можно рассматривать как субстратное наследие вымершего согдийского языка в гиссарских говорах.

5. Вопросительное местоимение *соγ(/γ')d* ‘когда’

В случае с указанным вопросительным местоимением *či-γot(i)* ‘когда’ на память приходит наличествующее в ваханском языке созвучное слово *соγd (/соγ'd)* с тем же значением. Это вопросительное местоимение распространено во всех говорах ваханского языка: верх. гов. *соγ'd woz taw winəm?* ‘Когда я еще увижу тебя?’; нижн. гов. *соγ'd гәҗи* ‘когда уедешь?’. Однако в нижнем говоре данное слово часто уступает свою позицию таджикскому заимствованию арабского происхождения *вахt* ‘время’: *tī гәҗак сә wahf?* (ср. верх. гов. *tī гәҗп соγd-эг*) ‘Когда (букв. ‘в какое время’) ты собираешься идти?’.

Сравниваемые слова *чи-γот/соγ'd*, как нам представляется, имеют общее происхождение. В ваханском, судя по всему, произошло стяжение огласовки от исходной позиции на первый слог и озвончение *t>d* под влиянием предстоящего звонкого *γ'*. С учетом данного факта появляется возможность распознать в исходной позиции ваханскую вопросительную частицу *сә* ‘когда’ + наречие *γ'ot*, т.е. *соγ'd <*сә-γ'od*

<*či-γātu- <*či(t)-gātu- ‘когда’, букв. ‘какое время’ (см. иную трактовку: (Пахалина, 1975, с. 188; ЭСВЯ 1999, с. 114)). Исторически такое развитие для ваханского языка представляется вполне закономерным, если допустить вариант соγd как вторичное явление.

Выводы

Как мы видим, обнаруженные в памирских языках и таджикских говорах рефлекс-сы др.-иран. *gātu-/*gāðu- ‘время, место’ не во всех случаях относятся к разряду исконной лексики этих языков. Первоисточник каждой лексемы опознается по способу реализации фонем в каждом конкретном случае.

В целом констатируются следующие типы фонетических переходов, отражающие свойства языков первоисточников.

1. Слова с характерным развитием др.-иран. *-t->*d>l, определяемые как заимствования в памирских языках и в некоторых южнотаджикских говорах из языка бактрийского типа. К ним относятся:

γal — наречие времени (<*γādu-<*gātu-), распространенное в большинстве памирских языков, а также в ванджском и дарвазском говорах таджикского языка;

am-γal — старованджский и стародарвазский композиты, состоящие из указательного местоимения am (<*γīma-) ‘этот’ + наречие времени γal, проникшие, соответственно, в таджикские говоры Ванджа и Дарваза;

γaləy! ‘подожди’ (букв. ‘повремени’) — форма повелительного наклонения, образованная в ваханском языке на более поздней стадии от γal;

hamγəl/hamləy ‘ровесник, одноклассник’ — лексема, распространенная в язгулямском языке и южных говорах таджикского языка, возводимая через бактрийский к др.-иран. <*hama-gāðu- <*hama-gātu- ‘со-временник’;

2. Слова с характерным развитием *t>t, рассматриваемые:

а) как согдийский субстрат в гиссарских говорах таджикского языка:

γot ‘время, момент’ <*gātu- (в сочетаниях типа či-γot(i), ‘когда?’),

u-γot(i) ‘тогда’, amī- γot(i) ‘сейчас’, yak γot(i) ‘внезапно’;

б) как исконно ваханская лексика, сохранившаяся в форме

соγd (/соγ'd) ‘когда’ <*či(t)-γātu- <*či(t)-gātu- ‘какое время’.

3. Третий путь развития — *-t->*-ð>-h, свойственный таджикскому языку:

goh/gah ‘место, время’ <*gāðu- <*gātu-.

4. Спирантизация *g>γ в пунктах 1 и 2 свидетельствует о восточноиранском генезисе лексем, и для них восстанавливается изначальная форма в виде *γātu-; сохранение смычности *g>g в пункте 3 говорит о западноиранской линии развития таджикского наречия goh<др.-перс. gāðu-.

Библиографические сокращения

СГВЯ-Ф — Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986.

ЭСВЯ — Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.

ЭСИЯ 2 — Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 2. М., 2003.

ЭСИЯ 3 — Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 3. М., 2007.

EVSh — Morgenstierne G. An Etymological Vocabulary of the Shugni Group. Wiesbaden, 1974.

Языки, диалекты, говоры

ав. — авестийский	нижн. гов. — нижний говор
вандж. — ванджский	пуш. — пушту
вах. — ваханский	руш. — рушанский
верх. гов. — верхний говор	согд. — согдийский
дарв. — дарвазский	ст.-вандж. — старованджский
др.-инд. — древнеиндийский	тадж. — таджикский
др.-иран. — древнеиранский	хуф. — хуфский
др.-перс. — древнеперсидский	шуг. — шугнанский
карат. — каратегинский	ягн. — ягнобский
мундж. — мунджанский	язг. — язгулямский

Список литературы

- Дыбо В.А. Афганское ударение и его значимость для индоевропейской и балто-славянской акцентологии. I. Именная акцентуация // Балто-славянские исследования. М., 1974. С. 67–105.
- Грюнберг А.Л. Мунджанский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Восточная группа. М., 1987. С. 155–235.
- Грюнберг А.Л., Эдельман Д.И. Афганский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Восточная группа. М., 1987. С. 6–154.
- Лашкарбеков Б.Б. Старованджский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские и новоиранские языки. М., 2008. С. 61–109.
- Оранский И.М. К имени бактрийского(?) вождя Κατάνης (IV в. до н.э.) // Палестинский сборник. 21(84). Л., 1970. С. 155–160.
- Пахалина Т.Н. Ваханский язык. М., 1975.
- Соколов С.Н. Язык Авесты (учебное пособие). Л., 1964.
- Стеблин-Каменский И.М. Два ваханских топонима // Иранское языкознание. М., 1976. С. 182–185.
- Стеблин-Каменский И.М. Бактрийский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981. С. 314–346.
- Bartholomae Ch. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg, 1904.

Summary

B. Lashkarbekov

The Reflexes of the Old Iranian *gātu-/*gādu- ‘Place; Time’ in Pamiri Languages and Tadjik Dialects

The paper analyzes reflexes of the Old Iranian lexeme *gātu-/*gādu- ‘place, time’ in the Pamiri languages and Tadjik dialects. Generally, this lexeme does not refer to native (original) words. Its origin could be determined by the way its phonemes are realized in each case: either Eastern Iranian (the Pamiri languages) or Western Iranian (Tadjik dialects) genesis.